

ОБАЯНИЕ ТАЙНЫ
ПРОЗА АРТУРО ПЕРЕСА-РЕВЕРТЕ
И ИЛЬДЕФОНСО ФАЛЬКОНЕСА

ИЛЬДЕФОНСО
ФАЙКОНЕС

РУКА ФАТИМЫ

ЭКСМО
Москва
2015

УДК 821.134.2-312.4
ББК 84(4Исп)-44
Ф19

Idefonso Falcones
LA MANO DE FÁTIMA

Copyright © 2009 Idefonso Falcones de Sierra.
Translated from the original edition of Random House Mondadori,
Barcelona, 2009

Перевод с испанского *Кирилла Корконосенко*

Художественное оформление *Андрея Саукова*

Фото автора на 4-й стороне обложки:
Giovanni Giovannetti / effigie / DailyPicture

Иллюстрация на переплете *Ивана Хивренко*

Фальконес, Ильдефонсо.

Ф19 Рука Фатимы / Ильдефонсо Фальконес ; [пер. с исп. К. Корконосенко]. — Москва : Эксмо, 2015. — 800 с. — (Обаяние тайны. Проза Артуро Переса-Реверте и Ильдефонсо Фальконеса).

ISBN 978-5-699-75577-6

Конь мчится во весь опор уже не первый день, но всадник не дает ему поблажки. Впереди у молодого Эрнандо — богатые и чужие земли Гранадского королевства, позади — прошлое, которое вот-вот настигнет беглеца. Эрнандо — чужак даже среди родных, возвращаться ему некуда: обычаи предков-мусульман не прощают отступников, но и незнакомый мир христиан способен оттолкнуть его... Может, амулет возлюбленной даст Эрнандо сил до конца пройти извилистый и опасный путь, пролегающий на границе двух разных миров?

УДК 821.134.2-312.4
ББК 84(4Исп)-44

ISBN 978-5-699-75577-6

© Корконосенко К., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Моим сыновьям:
Ильдефонсо, Алехандро, Хосе-Марии
и Гильермо

Когда мусульманин сражается или же находится в земле неверных, он не обязан своим видом отличаться от тех, кто его окружает. В таких обстоятельствах мусульманин может предпочесть или будет вынужден походить на других, при условии, что его поведение приносит благо его религии: если он проповедует, проникает в чужие тайны и передает их мусульманам, избегает опасности или же выполняет иные полезные задачи.

Ахмад Ибн-Таймия (1263–1328),
знаменитый арабский правовед

ЧАСТЬ I

ВО ИМЯ АЛЛАХА

...В конце концов, ежедневно сражаясь с врагами, стужей, жарой, голодом, повсеместной нехваткой боевого снаряжения и припасов, перенося все новые невзгоды и смерти, – в конце концов наши неприятели, это воинственное племя, стойкое, хорошо вооруженное, знакомое с местностью, поддерживаемое берберами и турками, – в конце концов они были побеждены, покорены, изгнаны со своих земель и лишены своих домов; были пленены и связаны мужчины и женщины; захваченных детей продавали на торгах или же отправляли проживать в далекие, чужие для них земли... Сомнительная победа, с превратностями столь опасными, что по временам возникали сомнения, кого решил покарать Господь: нас ли или же неприятелей.

Диего Уртадо де Мендоса.
Война в Гранаде. Книга первая

1

*Хувилес, Альпухарра, Гранадское королевство
Воскресенье, 12 декабря 1568 года*

В десять часов утра прозвонил колокол, призывающий к торжественной мессе. Этот звон разрушил ледяную тишину в маленьком поселке, расположенном на одном из многочисленных отрогов Сьерра-Невады; металлические отзвуки понеслись вниз по ущельям, словно стремясь разбиться о склоны Контравьесы – горной цепи, которая на юге образует плодородную долину, орошаемую реками Гуадальфео, Адра и Андаракс – все они питаются водами бесчисленных притоков, что спускаются с заснеженных вершин. А дальше, за Контравьесой, Альпухарра простирается до самого Средиземного моря. В тусклом свете зимнего солнца две сотни мужчин, женщин и детей плелись

к местной церкви — большинство из них еле передвигало ноги, почти все молчали — и собирались у дверей.

Храм цвета охры, без всяких внешних украшений, представлял собой ничем не примечательное прямоугольное здание с невысокой башней на одном из углов — там-то и помещался колокол. Перед церковью раскинулась площадь, возвышавшаяся над петлистыми ущельями Сьерра-Невады. В сторону сьерры от площади отходили узкие улочки с рядами беленых домов — строения в один-два этажа, окна и двери совсем крохотные, крыши плоские, круглые трубы с верхушками в форме гриба. На крышах выложены на просушку перцы, инжир и виноград. Улицы поднимались по извилистым горным отрогам, и выходило, что крыша нижнего дома приходилась вровень с подвалом следующего, как будто один громоздился на другой.

На площади перед дверями церкви уже собрались десятка два детей и взрослых — «старых христиан», проживавших в поселке. Все они смотрели на старуху, которая стояла на верхней ступени лестницы, приставленной к фасаду храма. Женщина тряслась от холода и стучала всеми оставшимися у нее зубами. Мориски¹ подходили к церкви, не отрывая взгляда от своей сестры по вере, с самого раннего утра стоявшей там, наверху, без плаща выносившей муку зимней стужи. Колокол звонил не переставая. Один из мальчишек показал на старую женщину, старавшуюся удержать равновесие, дрожавшую под этот трезвон. Молчание нарушилось смешком.

— Ведьма! — выкрикнул кто-то посреди общего хохота.

В женщину бросили несколько камней, а ступеньки лестницы покрылись плевками.

Колокол замолчал; все поспешили войти в церковь. Внутри, в двух шагах от алтаря, на коленях стоял смуглый мужчина — тоже без плаща или иного теплого платья, с веревкой на шее, разведя руки в стороны. В каждой руке он держал по горящей свече.

Несколько дней назад этот человек принес к старухе рубашку своей больной жены, чтобы та выстирала ее в источнике, который, как говорят, обладает целительной силой. В этом ручейке, укрытом скалами и густой растительностью непроходимой сьерры, никто никогда не стирал. Дон Мартин, при-

¹ Мориски — в Испании и Португалии мусульмане, официально (как правило, насильно) принявшие христианство, а также их потомки. Причислялись к низкостатусному сословию новых христиан. — *Здесь и далее — кроме особо оговоренных случаев — примечания переводчика.*

ходской священник, застал старуху за стиркой одной-единственной рубашки и сразу понял, что здесь не обошлось без колдовства. Наказание последовало незамедлительно: женщина должна была провести утро воскресенья на верхушке лестницы, выставленная на всеобщее обозрение. Наивный мориск, попросивший ее поворожить, тоже был приговорен к покаянию: ему пришлось слушать мессу, стоя на коленях — так, чтобы все прихожане могли на него полюбоваться.

При входе в храм мужчины тотчас же отделялись от своих жен и дочерей — те занимали первые ряды. Кающийся смотрел на входящих мутным взглядом. Все знали этого беднягу: он был добрый мальчик, заботился о своем наделе земли и двух своих коровах. Он ведь только пытался помочь больной жене! Постепенно мужчины разместились, как и положено, позади женщин. Когда все оказались на своих местах, к алтарю прошествовали священник, дон Мартин, церковный бенефициат, дон Сальвадор, и ризничий, Андрес. Дон Мартин, дородный мужчина с кожей редкостной белизны и розовыми щечками, облаченный в вышитую золотом шелковую ризу, занял место в кресле лицом к своим прихожанам. Бенефициат и ризничий встали по бокам этого трона. Двери в церковь закрыли; сквозняк прекратился, пламя свечей перестало дрожать. И тогда ярче засверкал свод церкви, искусно выполненный в стиле мудехар¹, словно состязаясь со строгой трагичностью христианских ретабло².

Ризничий, высокий парень в черном облачении, худой и смуглый, как и большинство прихожан, раскрыл книгу и прокашлялся.

– Франсиско Альгуасиль, — прочел он.

– Здесь.

Проверив, откуда исходил ответ, ризничий сделал пометку в книге.

– Хосе Альмер.

– Здесь.

Очередная пометка. «Милагрос Гарсиа, Мария Амброс...» Названные отвечали «здесь», и чем дальше длился список, тем больше это «здесь» походило на шипение. Ризничий продолжал сличать отвечающих и делать пометки.

– Маркос Нуньес.

¹ Мудехар — мавританский стиль в испанском искусстве и архитектуре.

² Ретабло — испанский вариант заалтарного образа в церкви.

– Здесь.

– Тебя не было на мессе в прошлое воскресенье, — объявил Андрес.

– Я был... — Нуньес пытался что-то объяснить, но не мог по-добрать слова. Он закончил фразу по-арабски, потрясая какой-то бумагой.

– Подойди, — приказал ризничий.

Маркос Нуньес протиснулся сквозь толпу и приблизился к алтарю. На этот раз ему удалось объясниться.

– Я был в Ухихаре. — Он протянул ризничему свой документ.

Андрес проглядел бумагу и передал священнику; тот изучал ее внимательно, рассмотрел даже подпись и только потом кивнул, скривив рот: старший настоятель соборной церкви в Ухихаре подтверждал, что 5 декабря года 1568-го новый христианин, именуемый Маркос Нуньес, житель Хувилеса, присутствовал на торжественной мессе в Ухихаре.

Ризничий едва заметно улыбнулся и что-то записал в свою книгу, а затем продолжил оглашать бесконечный список «новых христиан» — мусульман, которых король заставил креститься и войти в лоно церкви, — их присутствие на богослужениях и в дни причастия следовало проверять строжайшим образом. Несколько человек не отозвались, когда Андрес зачитал их имена; их отсутствие на мессе было аккуратно внесено в книгу. В отличие от Маркоса Нуньеса с его свидетельством из Ухихара две женщины-мориски не смогли оправдать свое отсутствие на службе в прошлое воскресенье. Обе принялись отчаянно защищаться. Андрес дал им вдоволь покричать, потом перевел взгляд на священника. Одна женщина оборвала свои излияния, как только дон Мартин властным взмахом руки велел замолчать; другая упрямо продолжала доказывать, что в то воскресенье она была больна.

– Спросите мужа! — вопила она, безумным взглядом разыскивая своего мужа в последних рядах. — Он вам...

– Замолчи, приспешница дьявола!

Окрик донна Мартина лишил мориску дара речи, она низко склонила голову. Ризничий записал ее имя; обеим женщинам надлежало уплатить штраф размером в полреала.

Потом были долгие перепроверки списка, и вот наконец дон Мартин приступил к мессе — но прежде приказал кающемуся повыше поднять руки со свечами.

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа...

Служба шла своим чередом, хотя не многие понимали слова молитв и даже неожиданных выкриков священника, когда он прерывал проповедь, чтобы яростно отчитать свою паству:

— Да неужто вы верите, что вода из какого-то там ручейка исцелит вас от болезней? — Дон Мартин указал на коленопреклоненного грешника, причем палец его дрожал, лицо скривилось. — Вот оно, ваше покаяние! Только Христос способен спасти вас от бед и лишений, посланных вам в наказание за вашу беспутную жизнь, за ваши проклятия и святотатства!

Но большинство новых христиан не говорили по-испански; некоторые из них объяснялись с испанцами на альхамьядо — диалектной смеси двух языков. Однако все были обязаны знать наизусть «Отче наш», «Аве Мария», «Верую», «Сальве» и десять заповедей. Дети-мориски проходили обучение у ризничего; мужчинам и женщинам христианскую премудрость преподавали по пятницам и субботам, под угрозой штрафов и запрета на брак за неявку. Только когда мориски доказывали, что выучили все молитвы, их освобождали от посещения занятий.

Во время мессы кое-кто все-таки молился. Дети, послушные Андресу и подученные своими родителями, молились громким голосом, почти что кричали — давая взрослым возможность обмануть бдительность бенефициата и тайком возгласить: «Аллах акбар». Многие шептали эти слова со вздохом, закрыв глаза.

— О Всемилостивый! Освободи меня от моих пороков, от моих недостатков... — слышалось в рядах мужчин, как только дон Сальвадор отошел чуть в сторону. Вообще-то бенефициат предпочитал далеко не удаляться, словно опасаясь, что его обманывают, взывая к мусульманскому Богу в христианском храме, во время торжественной мессы.

— О Владыка! Направь меня своей мощью... — воскликнул юный мориск из другого ряда, пока дети в голос тараторили «Отче наш».

Дон Сальвадор встревоженно обернулся.

— О Податель мира! Одеди меня славой!.. — воспользовался моментом мориск в другом углу церкви.

Бенефициат побагровел от ярости.

— О Милосердный! — произнес третий голос.

И снова зазвучал резкий голос христианского священника.

— Да будет благословенно Его имя, — раздалось из противоположного угла.

Большинство морисков стояли неподвижно, сплоченно и твердо; лишь некоторым было под силу выдержать взгляд дона Сальвадора, прочие отводили глаза. Кто осмелился восславить

имя Аллаха? Бенефициат продрался сквозь ряды прихожан, но обнаружить святотатца ему не удалось.

Месса подходила к концу; дон Мартин пристально вглядывался в прихожан со своего кресла, ризничий стоял со своей книгой, бенефициат — с корзиной: они готовились собирать с прихожан подношения: монеты, хлеб, яйца, полотно... Только бедняки были освобождены от этой повинности; что касается более зажиточных прихожан, то, если они уклонялись три воскресенья подряд, их ожидали соответствующие штрафы. Андрес подробно записывал, кто и что жертвует.

Когда прозвучал «смертный час» — так называли колокольный звон перед освящением Святых Даров, мориски опустили на колени с большой неохотой, тогда как старые христиане пределали это с благоговением. «Смертный час» прозвонил еще раз, когда священник, повернувшись спиной к своей пастве, вознес на алтарь гостию; колокол снова прозвучал, когда дон Мартин вознес чашу с вином. Он уже собирался произнести священные слова, но неожиданно, раздраженный бродившими по церкви шепотками, обернулся к своим прихожанам с искаженным от ярости лицом.

— Собаки! — Выкрикнув это проклятие, дон Мартин забрызгал священную чашу. — Что это там за бормотание? Молчать, еретики! Стойте на коленях так, как положено поклоняться Христу, единственному Богу! Ты! — Дон Мартин ткнул пальцем в старика из третьего ряда. — Выпрямись! Я вижу, как ты расprostерся перед своим несправедным идолом. Смотреть на меня! Поднимите головы, когда вам предлагаются Святые Дары!

Он прожег своим взглядом еще двух морисков и только потом продолжил литургию. Затем мужчины и женщины в молчании потянулись получать «лепешки». Многие старались оставить обслонявленный пшеничный хлеб у себя во рту, чтобы потом, дома, его выплюнуть; все мориски, без исключения, придя домой, примутся блевать, чтобы исторгнуть из себя его остатки.

Люди покидали церковь, получив благословение. Немногие истинные христиане восприняли его с набожностью, но подавляющее большинство тайком крестились слева направо, признавая в душе своей только одного Бога и издеваясь над Святой Троицей, к которой полагалось взывать, осеняя себя крестным знамением. Мориски торопились разойтись по домам, чтобы избавиться от «лепешки». Немногочисленные христиане Хувилеса задержались у церковных дверей поболтать; они не обращали никакого внимания на оскорбления, которыми их дети осыпали старуху, — та все-таки упала с лестницы и

теперь, скорчившись, бездвижно лежала на земле, с посиневшими губами, тяжело дыша. А внутри храма священник и его присные продолжали мучения кающегося мориска и без конца напоминали ему о его грехах, пока собирали церковную утварь и переносили ее с алтаря в ризницу.

2

Мориски действительно подняли восстание, но именно старые христиане привели их на грань отчаяния своим высокомерием, грабежами и бессовестным обхождением с их женщинами. Даже священники ведут себя подобным образом. Когда целая деревня морисков пожаловалась архиепископу на своего духовного пастыря, было приказано разобраться в причинах жалобы. «Заберите его отсюда, – просили прихожане, – или хотя бы жените на ком-нибудь, ведь все наши дети рождаются с такими же голубыми глазами, как и у него».

Франсес де Авила, посол Испании во Франции –
Филиппу II, 1568 год

Хувилес являлся центром общины, состоявшей из двух десятков деревушек, разбросанных по обрывистым склонам Сьерра-Невады. Четверть всех ее земель орошалась водой, прочие участки были сухие. В Хувилесе растили пшеницу и ячмень; больше четырех тысяч мархалей¹ было занято под виноград, оливки, инжир, каштаны и ореховое дерево, но главное богатство общины составляли тутовые деревья – пища для червей-шелкопрядов; впрочем, шелк из Хувилеса не пользовался такой славой, как шелк из других общин Альпухарры.

И вот на этих-то вершинах, на высоте больше тысячи вар² над уровнем моря, терпеливые и трудолюбивые мориски обрабатывали любой, самый обрывистый кусочек земли, который мог дать хоть какой-нибудь урожай. Склоны гор – там, где были не только голые скалы, – напоминали ступеньки из маленьких возделанных участков, разбросанных в самых недоступных местах.

¹ Мархаль – мера площади, равная 441,75 кв. м.

² Вар – мера длины, равная 0,84 м.

В тот день, когда солнце было уже в зените, с одного из таких наделов в Хувилес возвращался Эрнандо Руис, паренек четырнадцати лет от роду, с темно-каштановыми волосами, вот только кожа его была не такая смуглая, как у прочих жителей поселка. В общем-то чертами лица Эрнандо напоминал других морисков — если бы не большие голубые глаза под густыми бровями. Юноша был среднего роста, худощавый, подвижный и жилистый.

Эрнандо Руис только что собрал последние оливки со старого дерева, которое всю свою жизнь сражалось с холодом сьерры. Упорная и скрюченная, олива стояла на самом краю надела, засеянного пшеницей. Свою работу Эрнандо проделал вручную, не прибегая к помощи палки, — вскарабкался на дерево и собрал даже не самые зрелые плоды. Солнце слегка прогревало холодный ветер, налетавший со Сьерра-Невады. Юному мориску хотелось бы остаться здесь, прополоть сорняки, а потом зайти на другой надел, где обрабатывал свои скудные владения смиренный бедняк Хамид. В горах, когда они были наедине, работая или бродя по склонам в поисках целебных трав, из которых старый мориск готовил свои снадобья, Эрнандо называл его Хамид, а не Франсиско — этим христианским именем он был крещен. Большинство морисков пользовались двумя именами: христианским, а внутри своей общины — мусульманским. Вот только Эрнандо был всегда Эрнандо, хотя в поселке над ним часто насмехались, называя оскорбительным словом «назарянин»¹.

Вспомнив об этом прозвище, юноша невольно замедлил шаг. Никакой он не назарянин! Эрнандо пнул ногой воображаемый камень и пошел дальше. Дом его стоял за пределами поселка — там, где нашлось достаточно места, чтобы выстроить навес для шести мулов, с которыми его отчим колесил по Альпухарре; и была еще седьмая, любимая мулица по кличке Старушка.

Около года назад матери Эрнандо пришлось открыть юноше, почему его так прозвали. Однажды утром на рассвете он помогал своему отчиму, Ибрагиму (для христиан — Хосе) запрягать мулов. Закончив работу, Эрнандо простился со Старушкой, ласково хлопнув ее по шее, — и тут же страшный удар по уху отбросил его на несколько шагов и повалил на землю.

— Ах ты собака назарейская! — в ярости заорал Ибрагим.

¹ Назарянин — у мусульман — тот, кто исповедует христианство.

Мальчик потряс головой, чтобы прийти в себя, и поднес ладонь к уху. Ему показалось, что за спиной у Ибрагима, низко склонив голову, промелькнула его мать и скрылась в доме.

— Ты плохо затынул подпругу! — рычал отчим, указывая на одного из мулов. — Хочешь, чтобы он по дороге натер кожу и потом не смог работать? Ты всего-навсего бесполезный назарянин, — Ибрагим плюнул ему в лицо, — христианский ублюдок!

Эрнандо на четвереньках уполз от отчима и укрылся под соломой в дальнем углу навеса, спрятав голову между колен. Едва только перестук копыт каравана возвестил об отъезде Ибрагима, под навесом появилась Айша, его мать, с кувшином лимонада в руке и сразу направилась к нему в угол.

— Больно? — спросила Айша, наклонившись и поглаживая мальчика по шее.

— Матушка, почему все называют меня «назарянин»? — всхлипнул Эрнандо, поднимая голову. Увидев заплаканное лицо сына, Айша закрыла глаза. Она попыталась осушить поток слез лаской, но Эрнандо замотал головой. — Почему? — упрямо повторил он.

Айша горестно вздохнула и присела на пятки рядом с сыном.

— Ну хорошо, ты уже достаточно взрослый, — печально согласилась она, как будто ей стоило немалых трудов заговорить. — Ты должен знать, что примерно четырнадцать лет назад — а тебе сейчас тринадцать — священник из поселка, где я тогда жила — это было близ Альмерии, — силой овладел мною...

Эрнандо вздрогнул и перестал плакать.

— Вот так, сынок. Я кричала и сопротивлялась, как и велит наш закон, но этот развратник был намного сильнее меня. Он напал на меня вдалеке от поселка, в поле, утром. Солнце светило так ярко... — с грустью вспомнила Айша. — Я была тогда совсем девчонкой! Он сорвал с меня рубашку в один миг. Повалил на землю и...

Айша вернулась от тягостных воспоминаний в реальный мир. Первое, что она увидела, — это глаза сына, широко распахнутые, устремленные прямо на нее.

— Ты — плод того злодеяния, — прошептала Айша. — Вот отчего... Вот отчего тебя называют назарянином. Оттого что твой отец — христианский священник. Это моя вина...

Мать и сын долго смотрели друг на друга. По лицу мальчика снова потекли слезы, но теперь это была уже другая боль; Айша боролась с собой, чтобы тоже не заплакать, — до тех пор, пока не поняла, что сдержать слезы невозможно. И тогда она вы-